

Тирш Генрих

**Христианские начала семейной
жизни**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г34

Г34 **Генрих Т.**
Христианские начала семейной жизни / Тирш Генрих – М.: Книга по Требованию, 2024. –
200 с.

ISBN 978-5-519-76724-8

ISBN 978-5-519-76724-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

—

Въ наше время замѣтнѣе чѣмъ когда нибудь выставлены на первый планъ вопросы о преобразованіи общества, объ исправленіи общественныхъ правовъ и учреждений, объ установленіи твердыхъ началъ, на которыхъ долженъ быть основанъ порядокъ общественный. Задача эта столько же важна, сколько и трудна въ разрѣшенію, отдѣльные вопросы ея умножаются съ каждымъ днемъ, возбуждаютъ дробныя изслѣдованія и угрожаютъ наконецъ самымъ обиліемъ плановъ, мыслей и матеріаловъ для обработки отдѣльных частей зданія, повредить ясному сознанію цѣли, для которой оно назначено и главныхъ началъ, безъ которыхъ не лзя и приступить къ его построенію. Обиліе формъ предлагаемыхъ и испытываемыхъ для примѣненія къ обществу и его потребностямъ, такъ велико, что изъ за формъ не мудрено забыть о томъ, для чего существуютъ формы и безъ чего онѣ всегда останутся мертвою буквой. Дѣйствительно, мы почти забываемъ иногда о живомъ человѣкѣ, для котораго составляются и устраниваются порядки общественные, о дѣйствующей силѣ личности человѣческой, безъ которой не рѣшаются никакія задачи и никакіе планы

не приводятся въ исполненіе, наконецъ объ органическихъ формахъ общежитія, въ которыхъ скрываются основы всякой общественной жизни.

Такою органическою формою жизни было и всегда будетъ — семейство. Если внутри этой единицы общественной искажены основныя начала жизни, если испорчено это зерно общественнаго развитія и порядка, то сколько бы ни творили мы искусственныхъ формъ, — онѣ не приведутъ съ собою здоровой жизни для общества. Мимо семейства, мимо воспитанія невозможно устроить на прочныхъ основаніяхъ общественный порядокъ.

Вотъ почему со всѣми общественными вопросами неразрывно связанъ великій вопросъ о лучшемъ устройствѣ семейственной жизни и семейнаго воспитанія. Нѣтъ возможности разрѣшить этотъ вопросъ съ теоретической точки зрѣнія — какъ разрѣшаются вопросы науки, — ибо семейныя узы объемлютъ цѣлаго человѣка, во всемъ безконечномъ разнообразіи психической и физической его природы, все бытіе человѣка, а не отдѣльные моменты и порядки бытія доступные научному изслѣдованію. Отъискивать идеаль семейнаго быта, въ глубинѣ »добраго стараго времени« значить гоняться за мечтою и вѣчныя задачи жизни разрѣшать на основаніи темныхъ соображеній и невѣрныхъ данныхъ, взятыхъ изъ области случайнаго, мѣстнаго и временнаго. Ограничиться однимъ критическимъ отношеніемъ къ явленіямъ и настоящей и прошедшей жизни — значить увлекаться впечатленіемъ минуты, разрушать зданіе по частямъ, безъ заботы о возстановленіи и созиданіи. Наконецъ

недостаточно — обращаться исключительно къ мысли объ общемъ интересѣ, общей пользѣ, взаимныхъ потребностяхъ людей, и въ этой взаимной связи общаго интереса искать разрѣшенія великаго вопроса нами указаннаго. Какъ бы ни было сильно сознаніе взаимной связи членовъ общества между собою и взаимныхъ интересовъ, въ этомъ сознаніи еще не заключается живое нравственное начало, въ немъ еще нѣтъ силы достаточной для исправленія общественныхъ недостатковъ въ коренномъ мѣстѣ порчи — въ жизни семейственной; потому что чувство эгоизма присущее каждому человѣку стремится всегда взять верхъ надъ сознаніемъ общей связи и общей пользы.

Надобно искать высшаго начала, такого которое могло бы проникнуть до глубины души и всю ее обнять цѣльнымъ чувствомъ и цѣльнымъ сознаніемъ. Таково можетъ быть только нравственное убѣжденіе. А нравственное убѣжденіе можетъ быть непоколебимо и дѣйствительно, можетъ достигнуть всей необходимой цѣльности только тогда, когда оно истекаетъ изъ религіозной идеи и связано съ нею также неразрывно, какъ связаны между собою корень, стволъ и плодъ въ одномъ и томъ же деревѣ. Одна религія въ состояніи захватить до глубины всю душу человѣка и родить въ ней ту необъятную, вѣчную, неудержимо дѣйствующую силу, которая творитъ и въ человѣкѣ и въ обществѣ нравственные преобразования. Только при помощи религіозной идеи новѣйшее общество можетъ найти правду нравственную и жизненную свободу, которыхъ такъ усиленно и такъ бесплодно ищеть.

Вотъ почему, сознавая вполне и неразвитость нравственныхъ убѣжденій въ обществѣ и крайнюю необходимость ихъ для общества, мы рѣшились издать въ русскомъ переводѣ небольшое сочиненіе о христіанскихъ началахъ семейной жизни, — проникнутое сначала до конца сильнымъ христіанскимъ убѣжденіемъ. Сочиненіе это пользуется большою извѣстностью въ Германіи, гдѣ оно выдержало нѣсколько изданій. Авторъ его, бывшій профессоръ Марбургскаго университета, Тиршъ, принадлежитъ къ числу немногихъ германскихъ богослововъ, которые умѣли при огромной учености удержать всю живость христіанскаго чувства, проникнутаго любовью и терпимостью. Онъ обращается къ читателю не съ сухими фразами богословской діалектики, но съ живымъ словомъ вѣры и убѣжденія. Вездѣ представляетъ онъ читателю самый чистый и самый строгій идеалъ семейной жизни: можетъ быть въ иныхъ мѣстахъ идеалъ этотъ даже строже чѣмъ можетъ понести природа человѣческая; но во всякомъ случаѣ для насъ, въ нашемъ состояніи, гораздо нужнѣе строгій голосъ вѣры и убѣжденія проникнутаго любовью, нежели рѣчь уступчивая и снисходительная къ слабостямъ и страстямъ, въ которыхъ мы сами привыкли находить готовое извиненіе, къ распущенности и лѣности нашей природы, надъ которою мы только задумываемся, не находя въ себѣ силъ для исправленія.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА

ВЪ ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНІЮ.

—

Благосклонный пріемъ этого сочиненія возбуждаетъ мою искреннюю благодарность и вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ причину четвертаго его изданія. Безъ всякаго старанія съ моей стороны эта книга явилась въ датскомъ, голландскомъ и англійскомъ переводахъ.

Я не думалъ объ этомъ, весной 1854 года, въ то суровое время моей жизни, когда было уничтожено столько моихъ надеждъ и почти совершенно прекращена моя личная дѣятельность*, и когда писалъ это сочиненіе въ невольномъ своемъ уединеніи.

Въ главномъ я не измѣнилъ ничего, потому что, кажется мнѣ, никто не имѣетъ права сказать, что изложенныя здѣсь требованія слишкомъ высоки. Не дана ли намъ въ образецъ христіанской нравственности проповѣдь Христа на горѣ, а здѣсь не требуетъ ли Онъ отъ насъ совершенства?—Только тогда, когда Его заповѣди являются предъ нами въ своемъ полномъ величій, мы научаемся возлагать все наше упо-

* Авторъ говоритъ о томъ времени своей жизни, когда онъ былъ вынужденъ, по просякамъ враговъ своихъ, оставить Марбургскій университетъ.

ваніе на Него, а Онъ желаетъ, чтобъ эти заповѣди исполнялись нами.

Напротивъ здѣсь смягчено нѣчто суровое въ приговорѣ явленіямъ нашего времени. Платонъ говоритъ, что одиночество дѣлаетъ человѣка суровымъ: въ своемъ одиночествѣ я понялъ правду этихъ словъ Платона. Если же и за тѣмъ найдутъ здѣсь что либо суровое, то я уже не могу помочь этому. Я уважаю права личности. Хранить ихъ, мнѣ кажется, не только дозволенное право, но и обязанность каждаго. Эта обязанность тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе такое право признается въ настоящемъ. Сверхъ того должно вспомнить, что въ смѣшеніи и шумѣ голосовъ на литературномъ рынкѣ, отдѣльный голосъ, если хочетъ быть услышанъ, долженъ говорить такъ громко, какъ только можетъ.

Въ одно время съ этой книжкой о христіанской семейной жизни, появилось твореніе В. Г. Рилы: Семейство (Штутт. 1855). Оно доставило мнѣ такое высокое наслажденіе, что я прочиталъ его въ нѣсколько дней два раза. То чувствовалъ я живѣйшее удовольствіе, когда замѣчалъ сходство главныхъ мыслей съ мыслями моего сочиненія, родившимися совершенно независимо отъ сочиненія Рилы, то возбуждалась во мнѣ скорбь при мысли о томъ, какъ много потеряно для насъ изъ истинной семейной жизни. У меня вообще меньше надеждъ и для Германіи и для этого вѣка, чѣмъ у Рилы.

Въ его книгѣ находится много драгоценныхъ объясненій на высказанныя здѣсь начала. Мое сужденіе исходитъ отъ центра, его—отъ окружности. Здѣсь на-

чинается съ необходимаго и отыскивается путь отъ божественнаго закона къ окружающей насъ дѣйствительности; тамъ изслѣдуется исторія съ ея многообразными подробностями и съ тѣми нравственными началами, которыя въ ней выразились. Здѣсь господствуетъ строгая сжатость, тамъ пріятная живость представленія.

Важное значеніе творенія Рила я вижу въ томъ, что онъ напоминаетъ намъ, въ какихъ широкихъ размѣрахъ осуществляли христіанскую семейную жизнь старинные нѣмецкіе нравы и на сколько это осуществленіе продолжается еще и теперь. Онъ указываетъ какъ, съ помощью возврата къ истиннымъ семейнымъ началамъ, наша жизнь можетъ быть восстановлена въ христіанскомъ и вмѣстѣ истинно германскомъ характерѣ.

Статья моя, подъ названіемъ: Средство замѣнить внутреннюю миссію, выкинута уже въ предшествовавшемъ изданіи. Мнѣ очень жаль, что ею я огорчилъ тѣхъ, кто мнѣ дорогъ и кого я уважаю. Я охотно занялся бы разработкой вопроса о правильномъ и неправильномъ отправленіи внутренней миссіи, но нахожу, что это трудно для исполненія и можетъ далеко повести. Книжка ничего не потеряетъ, если этотъ вопросъ, собственно сюда и не принадлежащій, будетъ совершенно устраненъ.

Взамѣнъ этого я обогатилъ примѣчанія нѣкоторыми цитатами и извлеченіями.

Марбургъ. Февраля 1, 1859 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Какъ въ мірѣ физическомъ, такъ и въ мірѣ нравственномъ есть божественные законы и правила, управляющія движеніемъ и развитіемъ всѣхъ силъ въ средѣ, для которой назначены. Физическая природа слѣдуетъ Божественнымъ законамъ по необходимости: въ мірѣ нравственномъ эти законы требуютъ содѣйствія свободной воли, которою человѣкъ обнимаетъ ихъ и утверждаетъ въ себѣ. Однако и въ той и въ другой сферѣ законы эти одинаково тверды и дѣйствіе ихъ совершается — какъ бы ни было по видимому сильно противодѣйствіе. Незмѣнно, какъ ходъ свѣтилъ небесныхъ, Божіе опредѣленіе, по которому долженъ двигаться міръ человѣческой—нравственный космосъ. Основные законы этого міра столь же мало похожи на мертвую букву или форму, какъ и тѣ силы, коими совершается движеніе сферъ небесныхъ. Тогда именно, когда человѣкъ думаетъ отрѣшиться отъ нихъ,—чувствуетъ онъ внутри себя всю дѣйствительность нравственнаго закона: для повинующагося этотъ законъ является охранительною, благодатною силой, для нарушителя — силою разрушительною и карательною. Какъ слово Творца (а оно у Творца то-

же что и дѣло) съ первой минуты творенія дѣйствительно носить въ себѣ и поддерживаетъ все существующее, — такъ же и въ сферѣ человѣческихъ отношеній дѣйствительно Божественное слово и Божественное дѣло творенія, съ той самой минуты какъ оно дало бытіе человѣку—и до конца вѣковъ.

Изъ всѣхъ богоучрежденныхъ человѣческихъ отношеній — семейство самое древнее и самое великое. Основные законы его—вѣрность, любовь, самопожертвованіе, повиновеніе служатъ самыми сильными, самыми прочными основами всякому человѣческому благу. Съ ними связано процвѣтаніе и благословеніе; только слѣдуя имъ можно достигнуть нравственнаго развитія и успѣха на пути къ совершенству. Человѣкъ можетъ ослабить эти благодѣтельные узы его связывающія, но не можетъ вовсе разрушить ихъ; если же и на это покусится, то почувствуетъ ко вреду своему всю внутреннюю ихъ крѣпость. Онъ можетъ исказить, запутать эти отношенія; — по мѣрѣ развращенія человѣчества дѣлались всѣ возможныя попытки вовсе ихъ разрушить,—и при всемъ томъ во всѣ времена первоначальная основная сила этихъ отношеній и порядокъ ихъ остаются непоколебимы. Сила семейныхъ отношеній выражается слѣдующими явленіями въ жизни человѣчества. Прежде всего этой непоколебимости семейныхъ началъ должно приписать изумительную живучесть добра, способность его сохраняться во времена величайшаго развращенія правовъ. Далѣе замѣчательно проклятiе постигающее всякаго кто покушается ихъ разрушить. Наконецъ—мы видимъ, что за полнѣйшимъ забвеніемъ и отрицаніемъ

емъ этихъ началъ, — какъ бы оно ни было продолжительно, всегда слѣдуетъ ихъ возстановленіе, что они всякій разъ снова одерживаютъ побѣду надъ сознаніемъ человѣческимъ, достигаютъ полного осуществленія и даже принимаютъ еще болѣе свѣтлый видъ, еще высшія формы чѣмъ прежде.

Кто станетъ спорить, что таково же свойство, такова же исторія каждой святыни, какая только издревле поручалась въ храненіе человѣку? Какой святыни не губилъ, не отрицалъ и не осквернялъ человѣкъ! И не смотря на то святыня удерживала въ себѣ неизгладимое свойство святости, — возможность возстановленія, и наконецъ Божественное слово являлось во всей Божественной силѣ; то что было забыто и, казалось, навсегда разрушено—Богъ снова приводитъ во свѣтъ и воздвигаетъ еще краше и величїе чѣмъ прежде. Таковы же историческія судьбы брака и семейства. За основаніемъ того и другаго, въ райскомъ состояніи человѣка — слѣдовало паденіе въ ослѣпленіи язычниковъ — въ жестокосердіи Іудеевъ, — и потомъ возстановленіе и высшее просвѣтленіе въ христіанской церкви. Послѣ этого возстановленія семейство снова было искажено и унижено людьми, но духъ Христовъ, присно пребывающій въ церкви, не перестаетъ противодѣйствовать порчѣ и стремиться къ полному осуществленію самимъ Богомъ созданнаго нравственнаго идеала.
